

Русская Правда. Здесь же «Вопрошание хотящему внити в священнический чин» и ставленная грамота архиепископа Геннадия, а в конце — его предисловие к Пасхалии (старейший из всех известных списков этого произведения). Все это отражает широту репертуара книг, бывших в обиходе при дворе новгородского архиепископа, и близость к последнему соловецкого игумена.

В приписках и записях Досифеевых книг встречаются имена и следы деятельности некоторых членов геннадиевского кружка. Так, например, на Шестодневе Севериана Гавальского имеется приписка: «А писана книга сия с Герасимова Шестодневника»; речь идет, несомненно, об архидиаконе Герасиме Поповке — правой руке Геннадия в организации книгописания, старшем брате и воспитателе известного впоследствии дипломата и переводчика Дмитрия Герасимова. В Толковом апокалипсисе, параллельно славянскому, вписан латинский текст; не автограф ли это Дмитрия Герасимова или другого известного деятеля геннадиевского кружка — доминиканца Вениамина?

В приписках к книгам, заказанным Досифеем в Новгороде, встречаются, наконец, и имена их писцов: диакона Феодора — он написал криптограммой свое имя на книгах «Пророчества» и «Дионисий Ареопagit»²⁴ — и «застенского игумена» Алексея Смолы, который для переписанного им Жития Андрея-юродивого, по его словам, «имал список с Лисей горки».²⁵

Приведенные примеры, содержащие известия о новгородских книжниках и рукописях конца XV в., дополняют новыми деталями, новыми именами сведения об организации книгописания при дворе новгородского архиепископа. К книжникам геннадиевского кружка следует причислить и Досифея, выступающего в приписках заказанных им книг не только как организатор, но и как участник книгописания. Досифеевой рукой дополнены и отредактированы послесловия и написаны вкладные на некоторых из заказанных им книг; иногда это сделано криптограммой (приписки в книге Пророчеств, вкладные на Шестодневе и Толковом апокалипсисе), иногда в текст послесловия вписан его экслибрис (в приведенных выше послесловиях — перечнях книг). В одной книге, в патристическом сборнике, названном «Торжественник постный», экслибрис Досифея вписан в центр заставки византийского стиля, выполненной красками и золотом (на этой книге имеется запись о ее продаже в 1622 г. в соседний с Соловецким монастырем Анзерский скит, среди книг которого, под № 62, она сейчас и хранится в ГПБ). При взгляде на все эти аккуратно вписанные в послесловия и заставки, нарисованные на полях книги или на месте заставок книжные знаки Досифея соловецкий игумен представляется принимающим самое непосредственное участие в изготовлении этих книг, сидящим иногда рядом с писцами заказанных им книг (некоторые из экслибрисов Досифея подкрашены теми же красками, что и заставки книг). Досифеем, несомненно, выбраны и все те произведения, которые включены в заказанные им книги. И здесь следует отметить значительную широту взглядов основателя Соловецкой библиотеки на репертуар рукописной книжности своего времени. Досифей заботился о снабжении своей братии не только переводной патристической, церковно-полемиической и

²⁴ На первом листе этой книги другим почерком помечено: «А писана книга сия с островского Дионисия Ареопagitа», т. е. оригинал этой книги был взят, вероятно, из города Острова.

²⁵ Застенский, или Застенный, Георгиевский монастырь был в Старой Ладоге; на «Лисичей горке», в 7 верстах от Новгорода, находился Лисицкий монастырь (П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стр. 98, 279).